

ГЛАВА 1

НЕСКОЛЬКО ОБЪЯТИЙ, НЕСКОЛЬКО СНОВИДЕНИЙ

Она всегда называла это любовью с первого прикосновения.

Из дневников Трейи

Тридцать шесть лет понадобилось мне, чтобы встретить мужчину моей мечты. Или, по крайней мере, человека, который в наши дни способен приблизиться к этому идеалу, — и в моем случае он оказался к нему чертовски близок. Вот только к его бритой голове мне надо было привыкнуть...

Я росла в южном Техасе в те времена, когда девушки еще мечтали об идеальных мужчинах, но я и вообразить не могла, что выйду замуж за философа, психолога и трансценденталиста ростом под два метра⁸ и с такой внешностью, словно он прилетел с далекой планеты. С уникальной внешностью и уникальным внутренним складом. Невероятно доброго! И невероятно умного. Весь мой предыдущий опыт свидетельствовал: добрые мужчины обычно не слишком умны, а умные определенно не бывают добрыми. А мне всегда хотелось, чтобы было и то и другое.

Мы с Кеном познакомились 3 августа 1983 года. Не прошло и двух недель с момента нашей встречи, как мы решили пожениться. Да, все произошло очень быстро. Но почему-то мы оба почти сразу поняли, что так и должно быть. Мои отношения с мужчинами обычно тянулись годами, так что у меня было несколько романов, которые меня вполне устраивали;

⁸ В оригинале «шесть футов четыре дюйма», примерно 1 м 93 см. Прим. науч. ред.

но, несмотря на это, к своим тридцати шести я еще ни разу не встречала человека, который пробудил бы во мне желание хотя бы задуматься о замужестве! Я не понимала, в чем дело: может быть, я чего-то боюсь; может, я перфекционистка, или идеалистка, или просто безнадежная невротичка. Перебрав варианты и поволновавшись на свой счет, я каждый раз решала успокоиться и принять все как есть, пока это самокопание не повторялось вновь в результате какого-нибудь очередного события из тех, что обычно заставляли меня сомневаться в собственной нормальности. Другие-то люди как люди — влюбляются, женятся, находятся в отношениях...

Полагаю, отчасти все мы стремимся быть «нормальными», поскольку хотим, чтобы нас принимали другие. Я помню, что в детстве мне не хотелось привлекать внимание из-за своей непохожести на остальных, хотя все-таки я жила жизнью, которую едва ли можно назвать нормальной. Было «нормальное» образование в одном из колледжей «Семи сестер»⁹, год преподавательской работы, «нормальное» получение степени магистра по английской литературе, но потом вдруг я сошла с этого пути. Причиной стал вспыхнувший во мне интерес к проблемам окружающей среды, который привел меня в горы Колорадо. Работа, связанная с охраной окружающей среды, всевозможные временные подработки, увлечение лыжным спортом и обучение ему. И вдруг — еще один резкий, стремительный поворот. Я почувствовала глубокую тоску по тому, чему я не смогла подобрать названия. Во время путешествия по Шотландии на велосипеде я натолкнулась на «Финдхорн»¹⁰ — духовную общину, расположившуюся в восточной части графства Инвернесс. И тогда я поняла, хотя бы отчасти, причины своей тоски. Я прожила там три года. За это время я научилась осознавать, что моя тоска — в действительности духовное томление, и поняла, что есть способы, которые могут утолить эту глубинную потребность, этот настоящий внутренний зов. Я уехала оттуда только

⁹ Колледжи «Семь сестер» (Seven sisters colleges) — семь традиционно гуманитарных колледжей для женщин на северо-востоке США, основанных между 1837 и 1889 гг. Трейя училась в «Маунт Холиоук», штат Массачусетс. Прим. ред.

¹⁰ «Финдхорн» (Findhorn) — духовная община в Шотландии, основана в 1962 г., окончательно оформилась к 1967 г. Образовательный и духовный центр движения нью-эйдж. Прим. пер.

потому, что мои друзья попросили меня помочь в организации другого нетрадиционного центра (Windstar¹¹ неподалеку от города Аспен в штате Колорадо, где я надеялась объединить заботу о своем духе с заботой об окружающей среде. Оттуда мой путь лежал в аспирантуру, но и он был не совсем обычным: я занялась междисциплинарными исследованиями культур Востока и Запада, трансцендентальной философией и психологией [в Калифорнийском институте интегральных исследований]).

Именно там я впервые прочитала работы Кена Уилбера, которого, как я слышала, многие считали ведущим теоретиком в малоисследованной сфере трансперсональной психологии (она занимается тем же, что и ортодоксальная психология, но при этом включает в поле своих исследований и психологию духовного опыта). Кена уже тогда называли «долгожданным Эйнштейном в науках о сознании» и «гением нашего времени». Мне понравились его книги: в них разъяснялись многие непростые вопросы, над которыми я билась, — с освежающей ясностью, которая немало вдохновила меня. Я помню, как понравилась мне фотография на задней стороне обложки одной из его книг — «Общительный Бог» (A Sociable God). С нее смотрел элегантный бритоголовый мужчина в очках, которые подчеркивали пристальность, сосредоточенность взгляда, а фоном служил внушительный книжный шкаф.

Летом 1983 года я была на ежегодной конференции по трансперсональной психологии и услышала, что там же присутствует знаменитый Кен Уилбер; правда, делать доклад он не собирается. Несколько раз я видела его издали (трудно не заметить бритоголового человека ростом за метр девяносто) в окружении почитателей, а один раз — когда он сидел на диване и казался совершенно одиноким. Я не особенно думала о нем, пока несколько недель спустя моя подруга Фрэнсис Воон, с которой мы были в одной группе во время путешествия по Индии, не пригласила меня поужинать в обществе Кена.

¹¹ Windstar — гуманитарная организация, занимающаяся просветительской деятельностью в сфере охраны окружающей среды. Основана в 1976 г. Джоном Денвером и Томасом Крамом. Прим. ред.

Я не мог поверить, что Фрэнсис и Роджер наконец-то сошлись во мнениях. Терри Киллам. Очень красивая, невероятно умная, у нее превосходное чувство юмора и потрясающая фигура, она занимается медитациями и пользуется всеобщей симпатией. Звучало слишком красиво, чтобы быть правдой. Если она настолько хороша, то почему рядом с ней никого нет? Все время я относился скептически к этой затее. «Опять двадцать пять, — думал я, набирая ее номер, — еще одно свидание вслепую». Всевозможные ритуалы, которые надо соблюдать при этом, были мне ненавистны хуже зубной боли. В конце концов, почему бы не умереть одиноким, жалким и несчастным? По-моему, это лучше, чем вечно ходить на свидания.

У меня было обыкновение проводить лучшее время года с Фрэнсис Воон и Роджером Уолшем¹² в замечательном доме в Тибьюроне, принадлежавшем Фрэнсис, где нижнюю комнату приспособили специально для меня. Фрэнсис к тому времени была заметной фигурой: бывший президент Ассоциации трансперсональной психологии, будущий президент Ассоциации гуманистической психологии, автор нескольких книг, из которых самая примечательная — «Внутренний ковчег» (The Inward Arc); не говоря уже о том, что она была красива и выглядела намного моложе своих сорока с небольшим. Роджер родился в Австралии, но последние два десятка лет прожил в Штатах. В течение рабочих недель он преподавал в Калифорнийском университете в Ирвайне, а на выходные прилетал сюда, чтобы быть с Фрэнсис. Получив в Австралии степени, эквивалентные американским степеням доктора медицины и философии, он тоже написал несколько книг; совместно с Фрэнсис они редактировали самое известное (и лучшее) введение в трансперсональную психологию — книгу «Пути за пределы эго». Роджер был для меня как брат, в моей жизни раньше никогда такого

¹² Фрэнсис Воон (1935–2017) — трансперсональный психолог, доктор философии в клинической психологии, преподаватель и автор множества работ о психологии и духовности. Была президентом Ассоциаций трансперсональной психологии и гуманистической психологии, сооснователем Института трансперсональной психологии, работала в медицинской школе Калифорнийского университета в Ирвайне. Роджер Уолш — доктор философии и медицины, профессор психиатрии, философии и антропологии Калифорнийского университета в Ирвайне. Его сочинения и исследования в области медицины, естественных наук, психологии, философии и религии удостоены более чем двадцати национальных и международных премий. На русский язык переведены его книги: «Основания духовности» (М.: Ганга, 2019), «Пути за пределы эго» (сост. Ф. Воон; М.: Открытый Мир, 2006), «Дух шаманизма» (М.: Издательство Трансперсонального института, 1996). Прим. ред.

не было. И вот все мы обосновались на Парадиз-драйв и жили как небольшая и дружная семья.

Разумеется, в этой семье не хватало одного человека — женщины, моей супруги, — поэтому Фрэнсис и Роджер старательно осматривали все вокруг в поисках подходящей кандидатуры. Фрэнсис предлагала вариант, а Роджер вполголоса бросал мне: «Она, конечно, не красавица, но ведь и ты тоже». Потом кого-нибудь предлагал Роджер, а Фрэнсис говорила мне: «Она, конечно, не семи пядей во лбу, но ведь и ты тоже». Главное, что я запомнил, — что целый год, с кем бы я ни знакомился, впечатление было одно: Роджер и Фрэнсис никогда не сойдутся во мнениях по поводу женщины.

Но в один прекрасный день, примерно год спустя, Роджер пришел и сказал: «Самому не верится, но я нашел для тебя идеальную женщину. Не понимаю, почему я не вспомнил о ней раньше. Ее зовут Терри Киллам». «Конечно, — подумал я, — проходили. На этот раз обойдусь».

Три дня спустя пришла Фрэнсис и сказала: «Просто невероятно. Я нашла для тебя идеальную женщину. Не понимаю, почему я не вспомнила о ней раньше. Ее зовут Терри Киллам».

Я был поражен. Фрэнсис и Роджер согласны друг с другом? И не просто согласны, а полны энтузиазма? «Наверное, — подумал я, — это невиданная красавица, которая благотворно подействует на мою душу». Я взглянул на Фрэнсис и как бы в шутку сказал: «Я женюсь на ней».

Из дневников Трейи

Наше знакомство было необычным. Выкроить время, которое устраивало бы обоих, оказалось нелегко, и в конце концов мы договорились встретиться в доме общего приятеля, у которого был роман с моей школьной подругой (а у нее, кроме прочего, когда-то были отношения с Кеном). Я пришла после девяти вечера, по окончании рабочего дня (я принимала клиентов). Мы с Кеном едва успели поздороваться, как наши друзья стали обсуждать какие-то очень серьезные проблемы в своих отношениях. Кена попросили быть «фасилитатором»¹³, или «психотерапевтом на этот вечер», и следующие три часа мы работали над их проблемами. Нетрудно догадаться: Кен предпочел бы провести вечер иначе, но он оставался в своей

¹³ Фасилитатор — человек, выступающий в роли направляющего, или проводника, в индивидуальных и групповых процессах, но не обязательно имеющий профильное психологическое образование. Прим. науч. ред.

роли, пребывав в состоянии сосредоточенного присутствия и по-настоящему чудесно себя проявил, работая над потаенными и сложными аспектами их взаимоотношений.

Мы с Кеном так и не поговорили: у нас просто не было такой возможности! Большую часть времени я потратила на то, чтобы привыкнуть к его бритой голове, которая меня нервировала. Вид спереди мне нравился, но вот сбоку... в общем, к этому надо было привыкнуть. На меня произвело сильное впечатление то, как он работал, его деликатность, чуткость и сострадательность, особенно когда дело касалось женщины и ее трудностей в отношениях, в частности связанных с желанием иметь ребенка.

В какой-то момент все мы отправились на кухню, чтобы выпить чаю. Кен приобнял меня. Я почувствовала легкий дискомфорт, ведь я была едва знакома с ним, но тоже медленно приобняла его. А потом что-то заставило меня обнять его обеими руками и закрыть глаза. Я почувствовала нечто — чувство, которое невозможно описать. Тепло, ощущение близости, взаимопроникновения, соединения — чувство, что мы с ним одно целое. Я позволила себе на один миг окунуться в эти ощущения, после чего, удивленная, открыла глаза. Моя подруга смотрела прямо на меня. Я не знаю, заметила ли она то, что произошло; могла ли она это объяснить.

Что же это было? Что-то вроде узнавания — узнавания за пределами нашего мира. Было совершенно безразлично, сколько слов до этого мы успели сказать друг другу. Это было чувство мистическое, внушающее суеверный трепет, которое возникает лишь раз в жизни. Когда наконец в четыре часа утра мы стали уходить, Кен обнял меня перед тем, как я села в свой автомобиль. Он говорил, что сам был удивлен: ему вообще не хотелось меня отпускать. То же ощущала и я: словно мое место было в его объятиях, и это было почти сверхъестественное чувство.

Той ночью Кен явился мне во сне. Мне снилось, что я выезжаю из города через мост [«Золотые Ворота»¹⁴] — так и было предыдущей ночью, — но только по мосту, которого там

¹⁴ «Золотые Ворота» — мост в Сан-Франциско через залив Золотые Ворота; построен в первой половине XX в., знаменит изяществом и легкостью конструкций, одна из главных туристических достопримечательностей города. Прим. пер.

на самом деле не было. Кен следовал за мной на другой машине, и мы должны были с ним встретиться в каком-то месте. Мост вел в волшебный город, он немного напоминал обычный, но ощущался каким-то неземным, преисполненным значением, смыслом, а главное — красотой.

Любовь с первого прикосновения. Мы и пяти слов не сказали друг другу. А по тому, как она смотрела на мой бритый череп, я бы предложил, что любовью с первого взгляда здесь и не пахнет. Я, как почти все вокруг, оценил красоту Трейи, но ведь я ее совсем не знал. Когда же я обнял ее, то почувствовал, что дистанции, отчуждения между нами словно не бывало; казалось, что происходит какое-то взаимопроникновение. Возникло ощущение, что мы с Трейей были вместе в течение многих жизней. Это чувство казалось совершенно реальным и очень явным, и я не понимал, что мне со всем этим делать. Мы с ней к тому моменту не успели даже толком поговорить друг с другом, так что и не подозревали, что оба испытываем одни и те же чувства. Помню, я подумал: «Отлично. Сейчас четыре часа утра, а я пережил какой-то странный мистический опыт, дотронувшись до женщины, с которой я не знаком». Да, объяснить все это было непросто...

В ту ночь я не мог заснуть: образ Трейи заполнил мое сознание. Она действительно была красива. Но в чем же все-таки дело? Казалось, она вся лучилась энергией, сиявшей во все стороны, — энергией мягкой и спокойной, но при этом невероятно мощной и сильной; энергией, в которой были мудрость и исключительная красота; но главное — это была энергия жизни. В этой женщине было больше ЖИЗНИ, чем во всех, кого я когда-либо встречал. Ее манера двигаться, держать голову, эта улыбка, которая осеняла ее самое открытое и откровенное лицо на свете... О господи, какой же живой она была!

Ее глаза смотрели на все и сквозь все. Не то чтобы у нее был пронизывающий взгляд — от такого веяло бы чрезмерной агрессивностью, — просто казалось, будто она видит все насквозь и готова принять все, что видит; словно ее глаза были рентгеновскими лучами — деликатными и сочувствующими. «Ее глаза привержены истине», — решил я в конце концов. Когда она смотрела прямо на тебя, ты мог с уверенностью сказать: это человек, который никогда тебе не солжет. Ты мгновенно проникался доверием к ней: ее необычайная цельность, казалось, насквозь пропитывала даже ее изящные движения и манеры. Она казалась самым уверенным человеком на свете, хотя ни тени гордыни или бахвальства в ней не было. Я даже задумался: а бывает ли так, что

она нервничает; по крайней мере, это было трудно себе представить. Но, помимо этой почти пугающей цельности ее характера, были глаза — танцующие, все насквозь видящие, не настырные, а скорее всегда готовые к веселью. Я подумал: этой женщине наверняка все дается шутя, вряд ли хоть что-то может ее напугать. Ее окружала легкость, в которой была искренность, но ни тени серьезности; со своим переизбытком живости она могла позволить себе идти по жизни легко, а если бы вдруг захотела, то преодолела бы силу земного притяжения и взлетела к звездам.

Наконец я заснул, только чтобы проснуться с одной мыслью: я нашел ее. Это было единственное, о чем я думал: я нашел ее.

В то же утро Трейя написала стихи.

Из дневников Трейи

Великолепный вчерашний вечер с каймой из бренди;
беседа, обрамленная звуками бокалов и шумом
кофеварок, — она была менуэтом из жестов и слов,
в который вплетался мягкий танец осторожных вопросов
и нежного узнавания друг друга.
Чуткий, и ласковый, и всегда готовый помочь,
он не просто задавал прямые вопросы, он испытывал их,
он очищал золото от камней и песка,
подбираясь все ближе к источнику, пока не нашел его.
И когда он помогал и испытывал, это было прекрасно,
и в воздухе были растворены нежность и самоотверженность.
Вспоминая об этом, я чувствую, как раскрывается мое сердце —
так же, как оно раскрылось вчера.
Чтобы почувствовать прикосновение, подобное тому,
которым он прикоснулся ко мне,
сначала словами и тем, что они мне сказали о нем,
затем глубиной своих карих глаз,
а потом, когда соприкоснулись наши тела, что-то произошло,
я закрыла глаза, чтобы ощутить то, что лежит за пределами слов, —
до этого можно дотронуться, но выразить словами невозможно.
Я почувствовала, что мое сердце раскрылось,
и я доверилась ему больше,
чем когда-либо доверяла вселенной.

Лежа в постели, я почувствовал, что сквозь мое тело проходит серия тонкоэнергетических потоков, которые явственно напоминали

вибрации так называемой энергии кундалини: в восточных религиях она считается энергией духовного пробуждения, которая существует в дремлющем, спящем состоянии, пока ее не пробудит какое-нибудь важное событие или особенный человек.

Мне доводилось чувствовать такие вибрации и раньше: к тому времени я уже пятнадцать лет занимался медитацией, а переживания тонких энергий такого рода часто возникают в процессе, но никогда раньше они не проявлялись настолько отчетливо. Невероятно, но то же самое происходило с Трейей, и именно в то же время.

Из дневников Трейи

Было восхитительно просто лежать в кровати этим утром. Чувствовать легкие волны вибраций, очень ясных и отчетливых. Они чувствовались в руках и ногах, но главным образом были сосредоточены в нижней части туловища. О чем это свидетельствует? Означает ли это, что я расслабилась, а напряжения из прошлого растворились?

Я сосредоточилась на своем сердце и очень отчетливо ощутила, насколько оно открыто, — это было связано с воспоминаниями об эмоциях, которые я испытала в присутствии Кена накануне вечером. Со стороны сердца поднялась удивительно мощная волна; потом она опустилась в центр тела, а затем снова поднялась к макушке. Такая приятная, такая блаженная, почти до болезненности, — в ней были боль, томление, стремление вовне, желание, вожделение, открытость, уязвимость. Так бы я, наверное, чувствовала себя все время, если бы не защищалась, если бы отпустила свои способы защиты... И все же это изумительные ощущения: обожаю это чувство, очень живое и настоящее, насыщенное энергией и теплом. словно моя сокровенная суть вдруг пробуждается к жизни.

Говорю только для того, чтобы не было неопределенности: мы с Трейей не спали. Мы даже толком не поговорили. Мы просто обняли друг друга — в первый раз на кухне, а потом еще раз, ненадолго, сразу перед ее отъездом. На то, чтобы поговорить, у нас было минут пятнадцать. Этим исчерпывались наши отношения на тот момент, и то, что произошло, потрясло нас обоих. Это было немножко чересчур, и каждый из нас пытался взглянуть на ситуацию более трезво и сдержанно. Без особого, впрочем, успеха.

Из дневников Трейи

После этого мы с Кеном не виделись неделю. Он сказал, что ему надо съездить в Лос-Анджелес, а по возвращении он свяжется со мной. Он снился мне еще дважды после своего отъезда.

На каком-то глубинном уровне я отчетливо ощущала, что наша встреча стала знаковой, что в ней был особый смысл, но на сознательном уровне я пыталась отбросить эти мысли: а вдруг я что-то выдумываю, строю воздушные замки? В конце концов, у меня было немало разочарований в прошлом. К тому же, собственно говоря, а что произошло? Несколько объятий, несколько сновидений.

Когда неделю спустя мы отправились на наше первое настоящее свидание, Кен все то время, что мы ужинали, рассказывал про свою бывшую возлюбленную, к которой он ездил в Лос-Анджелес. Если сейчас ему напомнить об этом, он смущается. Но я помню, что меня это повеселило. Получалось, он пытается замаскировать свои чувства, заводя разговор о другом человеке. Впрочем, с этого момента и впредь мы все время были вместе. Даже если находились порознь, каждый знал, что делает другой. Но большую часть времени мы проводили вдвоем, мы не любили быть в разлуке друг с другом. А когда мы встречались, нам нравилось оставаться рядом, прикасаться друг к другу. У меня было чувство, что я за долгое время изголодалась по нему — не просто физически, а эмоционально и духовно. И был единственный способ утолить эту жажду: быть рядом с ним так часто, как возможно. Я словно черпала от него энергию на всех уровнях.

Как-то одним дивным вечером в начале сентября мы сидели на веранде моего дома в городке Мьюир-Бич и пили вино; нас окружали ароматы Тихого океана и эвкалиптовых деревьев, тихие звуки летнего вечера: шум ветра в листве деревьев, далекий лай собак, звук волн, где-то внизу лежащих на берегу. Каким-то образом мы умудрялись пить вино, полулежа друг у друга в объятиях, — фокус не из простых! После нескольких мгновений молчания Кен спросил: «С тобой что-нибудь похожее происходило раньше?» Не раздумывая ни секунды, я ответила: «Никогда. Ничего подобного. А с тобой?» — «Тоже ничего похожего». Мы рассмеялись, и он сказал, пародируя интонации

Джона Уэйна: «Тут что-то большее, чем просто мы с тобой, пилигрим»¹⁵.

Мысли о Кене стали преследовать меня. Мне нравилась его манера ходить, разговаривать, двигаться, одеваться и так далее. Его лицо возникало передо мной каждую секунду. Это стало причиной нескольких неприятных ситуаций. Как-то раз я пошла в магазин, чтобы купить несколько его книжек. Как всегда, поглощенная мыслями о нем, я выехала с парковки и оказалась прямо на пути приближающегося фургона. За все годы, что я вожу машину, я ни разу не попадала в аварию. В другой раз, вечером, я собиралась встретиться с Кеном и, снова переполненная мыслями о нем, забыла обо всем остальном. И вот при подъезде к мосту «Золотые Ворота» в машине кончился бензин.

У нас обоих было такое чувство, что мы уже женаты и теперь от нас требуется только одно: оповестить об этом всех остальных. Мы с Трейей никогда не заговаривали о браке; думаю, мы оба просто не видели в этом необходимости. Это подразумевалось само собой.

Что было поразительнее всего, это то, что мы оба к тому времени оставили надежду найти мифического «того самого человека». Трейя уже больше двух лет отказывалась от любых свиданий: она решила продолжать свой жизненный путь в одиночестве. И со мной та же история, но все случилось как случилось: мы были настолько уверены, что поженимся, что даже обсуждать это казалось излишним.

Но перед тем как выполнить формальность — действительно попросить ее руки и сердца, — я хотел, чтобы она познакомилась с моим близким другом Сэмом Беркольцем¹⁶. Сэм жил в Боулдере с женой Хэзел и детьми — Сарой и Иваном (Грозным).

¹⁵ Джон Уэйн (1907–1979) — американский киноактер, герой вестернов. В фильме «Человек, убивший Либерти Баланса» (1962; реж. Генри Форд) его герой все время называет своего товарища пилигримом; многие фразы из этого фильма стали крылатыми. Прим. пер.

¹⁶ Сэмюэл Беркольц — основатель и главный редактор издательства Shambhala Publications. Учитель тибетского буддизма в традициях кагью и ньингма, один из ближайших учеников Чогьяма Трунгпы Ринпоче и Тинлея Норбу Ринпоче. Интересно, что в 2016 г. Беркольца проинтервьюировал актер Стив Бушеми, расспросивший его об околосмертном опыте, который тот пережил во время сердечного приступа. Видения, им испытанные, легли в основу книги *A Guided Tour of Hell*. Прим. науч. ред.

Сэм — основатель и глава издательства Shambhala, которое считается лучшим издательством, специализирующимся на исследованиях Востока и Запада, буддизме, эзотерической философии и психологии. Познакомились мы очень давно. Кроме издательского дома, который в то время находился в городе Боулдер, Сэм открыл книжный магазин Shambhala Booksellers — очень необычный и по сей день довольно известный магазин в Беркли. Когда Сэм только начинал это дело (ему было в то время двадцать), он обычно сам занимался оформлением почтовых заказов и допоздна работал на складе, упаковывая и рассылая книги. А раз в месяц, как часы, он регулярно получал большой заказ от какого-то парня из города Линкольн, штат Небраска. Наконец Сэм подумал: «Если юноша и вправду читает все эти книги, вскоре мы обязательно о нем услышим».

А я и вправду читал все эти книги. Мне было двадцать два года, и я отучился полсрока в аспирантуре, занимаясь биохимией. Сначала я хотел быть врачом и поступил на начальную медицинскую программу в Университет Дьюк в городе Дурхем; отзанимался там два года, а потом понял, что клиническая медицина совершенно не соответствует моим интеллектуальным запросам: она не предоставляет никакого пространства для творчества. Тебе надо просто запомнить какой-то набор фактов, а потом механически применять их к замечательным и ничего не подозревающим людям. Я это воспринял не иначе как возведенный в культ аналог работы сантехника. Кроме того, я понял точно: обращаться так с живыми людьми нечестно. Поэтому я ушел из Дьюка и вернулся домой (отец служил в ВВС, и они с мамой жили на оффутской базе ВВС рядом с городом Омаха в Небраске). Я выбрал себе две специальности (по биохимии и биологии) и поступил в линкольнское отделение Университета Небраски¹⁷. Мне казалось, что биохимия, по крайней мере, дает простор для творчества: там можно было заниматься исследованиями, сделать какое-то открытие, добыть новую информацию, разрабатывать новые идеи, новые подходы, а не просто бездумно копировать то, чему меня обучили.

И все-таки эта область не затронула моего сердца, пусть я и окончил курс с отличием. Биохимия, медицина и естественные науки в целом просто не имели отношения к вопросам, которые стали приобретать для меня первостепенное значение. Я имею в виду такие несуразные вопросы, как: «Кто я такой?», «В чем смысл жизни?», «Зачем я здесь?».

¹⁷ Университет Небраски в Линкольне — старейшее (основано в 1869 г.) и крупнейшее отделение системы Университета Небраски. Прим. науч. ред.

Подобно Трейе, я искал что-то такое, чего наука попросту не могла мне предоставить. Я принялся настойчиво исследовать великие религии мира, философские и психологические учения, и восточные, и западные. Я прочитывал две-три книги в день, пропускал занятия по биохимии и избегал лабораторных работ (там, кстати, надо было делать что-то поистине омерзительное — например, разрезать сотни коровьих глаз, чтобы исследовать их сетчатку). Непостоянство моих интересов серьезно беспокоило преподавателей, которые подозревали, что я собираюсь заняться чем-то плохим — в смысле ненаучным. Как-то раз, когда я должен был прочитать перед преподавателями и студентами доклад по биохимии на какую-то завораживающую тему, что-то вроде «Фотоизомеризация родопсина, изолированного от внешних сегментов палочек сетчатки жвачных животных», я вместо этого выступил с двухчасовым докладом, вызывающе названным «Что такое реальность и что мы о ней знаем?», в котором содержались язвительные нападки на методы эмпирической науки. Преподаватели, сидевшие там, слушали меня очень внимательно, задавали множество умных и проницательных вопросов и прониклись последовательностью моих рассуждений. И вот когда я наконец закончил выступление, из дальнего угла раздалась реплика, произнесенная шепотом, но так, что все ее услышали, и она, похоже, резюмировала реакцию всех присутствовавших: «Фу-ух! Ну а теперь вернемся к реальности».

Это было действительно остроумно, и все мы рассмеялись. Но, увы, то, что говоривший понимал под реальностью, было реальностью эмпирической науки, — грубо говоря, тем, что может быть воспринято органами чувств человека или их искусственными продолжениями (микроскопами, телескопами, фотографическими пластинками и т. д.). Все, что лежит за пределами этой узкой сферы, что так или иначе касается человеческой души, или Бога, или вечности, объявляется ненаучным, а следовательно, нереальным. Всю свою жизнь я изучал науку только для того, чтобы прийти к неприятному выводу: она не то чтобы неверна, но чудовищно ограничена и замкнута в очень узкой сфере. Если человеческие существа состоят из материи, тела, разума, души и духа, наука сносно разбирается только в материи и теле, но очень слабо — в разуме и совершенно игнорирует и душу, и дух.

А мне больше не хотелось заниматься материей и телами, я был сыт по горло истинами о них. Я желал узнать больше о разуме и еще больше о душе и духе. Я хотел, чтобы в хаосе фактов, которые мне приходилось переваривать, появился хоть какой-то смысл.

Так получилось, что я наткнулся на каталог книжного магазина Shambhala Booksellers. Я ушел из аспирантуры, прекратил работу над диссертацией, удовлетворившись степенью магистра; последнее яркое воспоминание, которое осталось у меня от аспирантуры, — ужас, нарисованный на лицах профессоров, когда я рассказал им о своих планах написать книгу о «сознании, философии, душе и всем таком». Чтобы оплачивать аренду квартиры, я устроился мойщиком посуды. Я зарабатывал 350 долларов в месяц и каждый месяц около сотни долларов отправлял в Shambhala за книги, которые заказывал по почте.

И я таки написал свою книгу. Мне было двадцать три года, книга называлась «Спектр сознания» (*The Spectrum of Consciousness*). К счастью, она вызвала восторженные отзывы. Во многом именно положительная реакция придала мне сил двигаться дальше. В последующие пять лет я мыл посуду, работал помощником официанта, в бакалейном магазине и написал еще пять книг¹⁸. К тому времени я практиковал медитацию в традиции дзен-буддизма почти десять лет; книги имели большой успех, и я был абсолютно доволен. Девять лет я был счастливо женат, а потом — счастливо разведен (мы до сих пор остаемся хорошими друзьями).

В 1981 году я переехал в Кембридж в попытке спасти журнал *ReVISION*¹⁹, который за три года до этого мы основали вместе с Джеком Криттенденом. *ReVISION* был примечателен во многих отношениях, в первую очередь благодаря организаторской энергии и пронизательности Джека. В эпоху, когда кросскультурная философия и междисциплинарные исследования, как правило, игнорировались, он стал чем-то вроде маяка для тех ученых и интеллектуалов, кто интересовался сравнительными исследованиями Востока и Запада и работами, находящимися на стыке науки и религии. Например, мы первыми опубликовали обстоятельные работы по голографической парадигме,

¹⁸ «Никаких границ: восточные и западные подходы к личностному развитию» (М., 2004; на русском языке есть вариант названия: «Безграничное». Прим. науч. ред.), «Проект Атман: трансперсональный взгляд на человеческое развитие» (М., 2004), *A Social God* («Общительный Бог: краткое введение в трансцендентальную социологию»), *Up from Eden* («Восхождение из Эдема: трансперсональный взгляд на эволюцию человека»); «Очи познания» (М., 2016). Прим. авт.

¹⁹ *ReVision: A Journal of Consciousness and Transformation* — академический журнал, посвященный проблематике трансперсональной психологии. Основан в 1978 г. Джеком Криттенденом и Кеном Уилбером. Классические номера, выпущенные под редакцией Уилбера (и содержащие ряд его основополагающих статей раннего периода, позже вошедших в первые тома собрания его сочинений и такие книги, как «Проект Атман» и «Очи познания»), — букинистические раритеты. В последние годы осуществлена попытка перезапуска журнала (revisionpublishing.org), однако издание уже не имеет отношения к Уилберу, и архив старых выпусков все еще недоступен. Прим. науч. ред.

написанные Карлом Прибрамом, Дэвидом Бомом, Фритьофом Капррой²⁰ и другими. Позже я опубликовал эти статьи в сборнике под названием *The Holographic Paradigm: Exploring the Leading Edge of Science*.

Верится с трудом, но журналом занимались всего два человека. Я, живя в Линкольне, отвечал за общую редактуру, а Джек, обитавший в Кембридже, занимался всем остальным: корректурой, набором, версткой, печатью, рассылкой. Наконец он принял на работу в отдел подписки девушку, невероятно умную (и невероятно красивую), и очень скоро женился на «отделе подписки», а «отдел подписки» вскоре забеременел. Джеку пришлось оставить ReVISION, чтобы подыскать себе настоящую работу, а я отправился в Кембридж, чтобы выяснить, можно ли спасти журнал.

В Кембридже я наконец-то лично познакомился с Сэмом. Мы сразу стали друзьями. Плотного телосложения, бородатый, гений бизнеса с крупномасштабным мышлением, Сэм больше всего напоминал мне огромного плюшевого медведя. Он приехал, чтобы разведать возможности переноса издательства Shambhala в Бостон, — в конце концов так он и поступил.

Прожив год в Кембридже, я понял: с меня хватит. Друзья считали, что мне понравится Кембридж, ведь там интеллигентная среда; но мне она показалась не столько интеллигентной, сколько занудной. Люди явно путали скрежет зубовой с мыслительной деятельностью. ReVISION в итоге удалось спасти, перенеся его в издательство Heldref

²⁰ Карл Прибрам (1919–2015) — американский ученый австрийского происхождения, нейрохирург, крупный исследователь мозга. Широкой публике известен в основном разработкой голографической модели мозга. На русский переведена работа: Прибрам К. Языки мозга: экспериментальные парадоксы и принципы нейропсихологии. М.: Либроком, 2010 (первое издание: М.: Прогресс, 1975). Дэвид Бом (1917–1992) — американский физик-теоретик, один из разработчиков квантовой теории, автор книги *Quantum Theory* (1951). Помогал Прибраму в создании голографической модели мозга. После знакомства с восточной философией через труды Кришнамурти увлекся разработкой духовно-философских аспектов квантовой теории, которые выразил в книгах *Wholeness and the Implicate Order* (1980) и *Science, Order and Creativity* (1987). На русский переведен ряд трудов Бома по физике, квантовой теории и специальной теории относительности, а также: Кришнамурти Дж., Бом Д. Окончание времени. Будущее человечества. Беседы Джидду Кришнамурти с Дэвидом Бомом. М.: Ганга, 2017. Также в интернете можно найти текст книги «Развертывающееся значение: три дня диалогов с Дэвидом Бомом» (в пер. М. Немцова, 1992). Фритьоф Капра (р. 1939) — американский физик австрийского происхождения. Проводил исследования по физике элементарных частиц и теории систем. Русскоязычному читателю знаком по книге «Дао физики» (М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017), в которой заявлено, что физика и метафизика неумолимо приводят к одному и тому же знанию. См. также: Капра Ф., Луизи П.Л. Системный взгляд на жизнь: целостное представление. М.: Ленанд, URSS, 2020. Прим. ред.

Publications, и я переехал из Кембриджа в Сан-Франциско — точнее говоря, в Тибьюрон, где и поселился у Фрэнсис с Роджером, которые год спустя познакомили меня с Трейей.

Сэм вернулся к семье в Боулдер, а я, перед тем как сделать предложение Трейе, очень хотел, чтобы они с Сэмом посмотрели друг на друга. Поэтому по дороге в Аспен, где я должен был познакомиться с семьей Трейи, мы сделали остановку в Боулдере. Поговорив с Трейей чуть больше пяти минут, Сэм утащил меня в сторонку и сказал:

— Я не просто одобряю. Я не пойму, как тебе удалось ей понравиться.

В тот же вечер у выхода из ресторана «Руди» на Перл-стрит я сделал Трейе предложение. Она ответила коротко: «Если бы ты не сделал мне предложения, я бы сама его сделала».

Из дневников Трейи

Я еще раньше планировала приезд в Колорадо к родителям. Хотя мы с Кеном знали друг друга не больше двух недель, я отчаянно хотела, чтобы он с ними познакомился. Мы решили совместить деловую поездку в издательство Shambhala в Боулдере с визитом в Аспен. Я вылетела раньше и, решительно отбросив предусмотрительность, провела три дня, настойчиво рассказывая родителям и старым друзьям о чудесном, уникальном, совершенно неотразимом мужчине. Мне было неважно, что они обо мне подумают, хотя я в жизни ни разу не рассказывала о мужчинах и последние два года вообще ни с кем не встречалась! Я не боялась, что меня сочтут дурочкой, по одной причине: я была абсолютно уверена в своих чувствах. Многие из моих друзей знали меня более десяти лет, и большинство были убеждены, что я никогда не выйду замуж. Моей маме не удалось сдержаться, она хотела выяснить только одно: поженимся ли мы, хотя я ни о чем таком не упоминала и этот вариант мы с Кеном не обсуждали. Что я могла ей сказать? Правду. «Да, — сказала я, — мы поженимся».

Улетая в Денвер, где я должна была встретиться с Кеном в аэропорту, я вдруг страшно занервничала. Ожидая его, я немного выпила, — это было для меня очень непривычно. Я нервно смотрела на всех выходящих из самолета и втайне надеялась, что он не появится. Что это вообще за высокий, бритоголовый, совершенно ни на кого не похожий мужчина, которого я так жду? Готова ли я к этому? Нет, на тот момент я была не готова.

И в этом самолете его не оказалось. У меня появилось время, чтобы еще раз все обдумать. Мои чувства менялись — от опасений, что он не прилетит, к облегчению, что я его не увидела, к разочарованию и легкой панике при мысли, что он вообще больше не появится. А вдруг он просто плод моей фантазии? А вдруг он остался в Лос-Анджелесе со своей бывшей возлюбленной? А вдруг... И я всем сердцем захотела увидеть его снова.

И он прилетел — следующим рейсом. Его невозможно было ни с кем спутать, нельзя не заметить. Со смешанными чувствами взвинченности, смущения и искренней радости я приветствовала его, все еще до конца не привыкнув к тому, что его бросающаяся в глаза внешность привлекает всеобщее внимание.

Несколько следующих дней мы провели в Боулдере с его друзьями. Поскольку мы с Кеном всегда были вместе — неважно, на людях или наедине, — мне стало интересно, что думают обо мне его друзья. Как-то вечером, после ужина, когда мы стояли у выхода из ресторана, где только что отужинали с Сэмом и Хэзел, я спросила его, что он рассказал про меня своим друзьям. Он взял мои руки в свои и, глядя на меня огромными карими глазами, произнес: «Я сказал Сэму вот что: если эта женщина согласится, я хотел бы на ней жениться». Без малейших раздумий или колебаний я ответила: «Конечно, соглашусь». (Я подумала, а может быть, и произнесла вслух: «Я сама собиралась тебе это предложить».) И мы пошли, чтобы выпить шампанского, — всего через десять дней после нашего первого свидания. Был прекрасный летний вечер, с ветерком, свежий, ясный, наполненный энергией. Я чувствовала присутствие Скалистых гор, неясно вырисовывающихся позади нас, ощущала, как они радуются нашим планам, благословляют нас. Мои любимые горы. Мужчина моей мечты. Я была на седьмом небе от головокружительного счастья.

Через несколько дней мы прибыли в Аспен — город, где я прожила больше десяти лет. Кен понравился моим родителям. Он понравился моему брату и невестке. Он понравился всем моим друзьям. Одна моя сестра позвонила, чтобы поздравить меня. Другая, чем-то обеспокоившись, решила задать мне несколько вопросов и убедиться, что это всерьез. Этот тест я успешно сдала. Мы с Кеном гуляли по моему любимому

маршруту, вверх по Ручью Загадок, окаймленному с обеих сторон живописными холмами. Великолепная ледниковая долина, заросшая стройными осинами и могучими хвойными деревьями, с грядками голых скал, отпечатавшихся на фоне кристально чистого голубого неба.

В детстве я гуляла здесь чуть ли не каждый день. Эту долину я воскрешала в памяти всякий раз, когда мне надо было успокоиться. И вот мы здесь, и нам сопутствуют умиротворяющее журчание ручья, колибри, время от времени проносящиеся стрелой; воздух наполняет мягкий шелест осиновых листьев, а вокруг цветы — «индейская кисточка», горечавка, астры и водосбор, усеявший окрестности.

В тот вечер мы отправились в маленькую хижину в осиновой роще, чтобы спокойно побыть наедине. Она выглядела так, словно была построена гномами или эльфами. Огромная, красноватая, заросшая лишайником скала образовывала одну из стен, по углам которой росли живые осиновые деревья, а остальные стены были сложены из осиновых бревен. Можно было пройти совсем рядом с хижинкой и не заметить ее — так естественно она вписывалась в пейзаж. Бурундуки чувствовали себя внутри как дома — даже больше, чем снаружи. Там мы с Кеном поговорили о будущем и, счастливые, уснули друг у друга в объятиях.

Мы одни; сидим напротив камина, огонь освещает прохладную ночь, а электричество в доме снова не работает.

— Вот тут, у тебя на левом плече, — говорит Трейя. — Ты видишь?

— Нет, я ничего не вижу. А что надо увидеть?

— Смерть. Она прямо здесь, на твоём левом плече.

— Ты что, серьезно? Ты просто шутишь, да? Я не понимаю.

— Мы говорили о том, какой великий учитель смерть, и вдруг у тебя на левом плече я увидела фигуру — темную, но мощную. Это смерть, я уверена.

— И часто у тебя бывают галлюцинации?

— Нет, никогда. Я просто увидела смерть на твоём левом плече. Я понятия не имею, что это значит.

Я ничего не могу с собой поделать. Бросаю взгляд на свое левое плечо. И ничего там не вижу.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книги, бесплатные главы и новинки:

